

«Я тебе Россию завещаю...»

Владилен МАШКОВЦЕВ

Слово о поэте

Как-то не поворачивается рука писать о нем в прошедшем времени. Каким-то «непотопляемым» и неукротимым он был во всех сферах жизни. Его стихи и проза отличаются напором и натиском, высоким гражданским пафосом, мечтательностью, порой щемящим лиризмом... Что поделать: вот его и нет уже с нами. Но есть добротные поэзия и проза, в которых вся его эмоциональность и неординарная натура.

Да, он был человеком совершенно непредсказуемым и противоречивым, как, видимо, и любой пишущий. Подчас его непримиримость и прямолинейность просто претили многим, кого-то возмущали, кого-то приводили в смещение или восторг. Журналисты с интересом и любопытством, а порой и с нетерпением ждали его публицистических статей в газету. Мне даже кажется, что он выходил на читателя как бы пошлостью, поблаговать, померяться силами со своими оппонентами. После многомесячного сидения за рабочим столом кабинета, увешанного картами боевых действий и заваленного справочной литературой с документами, он объявлялся в коловерти событий, как застоявшийся боевой конь, бросающий копытом землю в облака. Тут уж многим приходилось держать ухо востро.

А еще он был человеком отважным, чего многим из нас не достает. Авторитеты для него значили мало. Особенно, если их дела шли вразрез с его убеждениями. Сегодня мало кто знает о его известном в писательских кругах выступлении на одном из писательских съездов — на партсобрании — где он под рев и аплодисменты зала открыто обвинил в литературной коррупции и чванстве конкретных больших чиновников от литературы. В коридорах съезда одни шарахались от него, как от прокаженного, другие плевали в его сторону, третьи с восторгом жали его мужественную руку. О сильнейшем тогдашнем напряжении и потрясении говорит то, что по приезде домой он «закатился» в больницу с инфарктом...

На стол тогдашнего главы идеологии Михаила Андреевича Суслова («серого кардинала», как его называли) легла записка его беспрецедентного в то время выступления. Главу областного отдела пропаганды и агитации после слова поэта унесли из зала на носилках. Затем дорога на писательские съезды для В. Машковцева была надолго закрыта.

А кто не помнит литературное объединение, которым он руководил? Зал всегда был полон. В жарких спорах о литературном творчестве рождались интересные произведения, которые пуб-

ликовались в газетах и журналах. Конечно, спорить с ним было трудно, а подчас просто невозможно. Но ведь для того и существуют литературные объединения...

Много лет он был в городе ответственным за выступления литераторов перед тружениками и детьми. Тысячи и тысячи выступлений, организованных им, — это своеобразный отчет пишущих перед современниками. Сегодня об этом можно вспомнить только с грустью: не то время...

На его стихи написаны песни, строки отлиты в чугуне на памятном знаке в честь выплавки 200-миллионной тонны стали у Дворца культуры им. С. Орджоникидзе. Незадолго перед его уходом он стал Почетным гражданином Магнитогорска, на алтарь которого возложил все свое дарование. Ждет издания его новый роман «Время Красного Дракона», который он успел закончить...

Художник, говорил Флорбер, должен творить так, чтобы потомки даже не подозревали, что он жил на свете. Не знаю, не знаю...

И еще о крепости духа. Игорь Гарин в своем труде «Пророки и поэты» заметил: «Мы, осквернители, — идей, надежд, упований — сегодня знаем, что высокому духу уготована трагическая судьба. Люди без свойств еще могли относиться к странной вещи «дух» как к любимой, которая обманывает, но оттого не становится менее любимой, потому что, когда любишь, то все — любовь, даже если это боль и отвращение. Но можем ли мы — после Освенцимов и ГУЛАГов — делать вид, будто ничего не произошло, да и сегодня не происходит. Впрочем, даже отвращаясь от духа, мы все еще любим его, полагая, что он лучшее в нас, хотя уже Кафки и Музили засомневались...»

А Владилен Иванович Машковцев не сомневался. Засучив рукава, брался за возрождение казачества, за написание истории Магнитостроя и комбината, искал новые формы в литературном движении, но никогда не искал компромиссов. Кто знает, правильно это или нет? Одному Богу известно... 26 сентября ему бы исполнилось 68 лет. В них все: и тяжелое беспризорное детство, и в годы войны усыновление авиационным полком, и работа на предприятиях Магнитки, и служба на флоте, и напряженная литературная учеба, и встречи с людьми, и утрата сына-офицера...

Это его мир, его Вселенная, запечатленные в стихах и прозе и оставленные нам. Скоро полгода, как его нет с нами, но откроешь книгу — и видишь его живым...

А. ПАВЛОВ,
член Союза писателей России

А роман ждет...

Не берусь утверждать, что был очень хорошо знаком с Владиленом Ивановичем Машковцевым. Во-первых, мы принадлежали к совершенно разным поколениям. Во-вторых, я к своим литературным дарованиям относился долгое время не ахти как ревностно, а потому и не было у меня необходимости свои опыты кому-то показывать, а, значит, и общаться с кем-либо. И в-третьих, В. И. Машковцев был, строго говоря, человеком дела, образ жизни вел очень насыщенный и занимался в тот период достаточно ответственной работой по сбору материала, не отвлекаясь особо на «перерывы» от поэзии и на многочисленные изрядно докукающие «говоруны» от литературы и на разборки между ними, которые и сегодня вслушивают некоторые «перегретые» головы давно пережившим вопросом: «А кто главный?.. А кто ж литературней?..» Но все же коллеги по перу, бываешь, встречаются на похоронах своих друзей или оппонентов. Насколько отборно — «в очередь» обязательные и слегка «причесанные» речи перед ушедшим и помянув его «как подобает», друж-

но разбредаются до следующего раза. Так было всегда, так было и в очередной раз, как было заведено по давним-давно отработанной и не дающей сбоев схеме.

Разбрелись... А многие залезли глубоко-глубоко, забыв о своем наставнике, советчике и старшем коллеге, а также о его двух последних произведениях, над которыми он проработал где-то десять последних лет. Забыли о том, что автор — еще бы немного — и решил вопрос выхода своих произведений в свет, но...

Владилен Иванович Машковцев оставил нам больше десятка сборников прекрасных стихотворений, два больших романа о нашем с вами крае и его сложной драматической судьбе... Из-под его пера вышли повести, сказки, пьесы и, наконец, «История Магнитки» — по крупицам собранный и обработанный материал.

Завтра ему бы исполнилось 68 лет. Но уже скоро полгода, как его нет с нами. Я призываю земляков, к приближающемуся 70-летию Магнитки и 70-летию В. И. Машковцева — ровесника Магнитогорска — помочь в издании его неопубликованных произведений.

А. СТЕПАНОВ.

Тяжелой сытостью полны
летят над степью табуны.

Но вот в ковыль осела пыль,
и снова вижу я ковыль.

И в каждой стрелке горький крик,
как теплый пепел древних книг.

Скажи ты мне: какую боль
несет в себе седой ковыль?

И почему ковыль седой,
какой отмечен он бедой?

Русская тройка

Трепещут в пляске гривы бойко,
у коренного хруп сердит.
Опять летит по тракту тройка,
как удал русская — летит!

На ветер гикну, свистну плетью,
я сам себе — высокий суд.
Через сугробы и столетья
нас вороны пронесут.

Звенят щемяще колокольцы,
кошечка мчит еще быстрее.
И рвется пар, свиваясь в кольца,
из конских бешеных ноздрей.

И убегают путь следами,
и степь мелькающе кипит.
И комья снега лебедями
взлетают ввысь из-под копыт.

Сторожевая вышка

Сигнальные костры на
казацких сторожевых вышках
извещали о приближении
врага мгновенно за 300-400
верст.

Не думал встретиться с бедой,
а ран, рубцов — излишка.
И зло окружена ордой
сторожевая вышка.

А я нашествие проспал
и в грудь стрелой пронзен — упал.

Был враг коварен и хитер,
но загорелся мой костер.

Ценой смертельного ранения
оповещаю охранение.

Нет сил, пришельцев не прогнал,
но я России дал сигнал!

Шрамы

Мы по-русски упрямы
гордым духом бойца.
Помню дедовы шрамы,
знаю раны отца.

Не постиг Авиценна,
не понять мудрецам:
враг извечный прицельно
бьет по нашим сердцам.

Отликуем, отсвердимся,
отгорев, отмерцав...
Вскроет врач наше сердце,
а сердце — в рубцах!

Брусничный год

Никто не знает травяного секрета,
но все-таки, наверно, неспроста
брусничный год —
один в четыре лета —
приходит на уральские места.

Когда в тени замаслятся листочки,
сосновый бор умоется дождем.
Четыре года мы готовим бочки,
четыре года ягоду мы ждем.

Брусника солнцем
брызжет в человеке,
вольет в него росу, прохладу, лес...
Когда-то золотом и
римляне, и греки
платили за бруснику: вес — на вес!

Нет ягод этой ягоды полезней,
и верь, примета древняя не врет:
брусничный год —
в округе нет болезней,
брусничный год —
старуха не умрет.

Ждет на Урале каждая усадьба,
когда брусника вызреет в бору...
Брусничный год —
счастливой будет свадьба,



брусничный год —
к богатству и добру!

Казачи живут отчаянно

Вижу: смертными минутами
войско не ослаблено.
И врага извечно лютого
я встречаю сабельно.

Вихрем в битве грива чалого,
друг изрублен в месиво.
Казачи живут отчаянно,
умирают весело!

Не взываю к мести

В синем сне России
не увижу мать,
в грудь мою вонзили
меч — по рукоять.

Птица прокричала
в гибель молодца.
В море нет начала,
в горе нет конца.

Отступать не смейте
с русских берегов,
мы и после смерти
будем бить врагов.

Улетит поганец
на моем коне,
но споет уралец
песню обо мне.

Очи не открою —
сердцем послужу.
Я облитый кровью
в ковылях лежу.

Не взываю к мести,
сам платил за зло.
И со мною вместе
сто врагов легло.

Церковь

То землянка, то лачуга,
в безлесьи — терпи...
Только церковь, будто чудо,
выросла в степи.

В красках мед и сок черешен,
клей из куличей.
Творог известью замешан
между кирпичей.

В молоке песок месили
и золу костров.
Бог простит, не пригласили
мудрых мастеров.

Лепоту оценит зрячий,
знаем ремесло:
сто возов яиц гусячих
на раствор ушло.

Серебро чеканя чутко,
в лик вдыхали жизнь...
Встала церковь, будто чудо,
странник, поклонись!

Приосанься, хорошея,
на полет орла —
белокаменную шею
церковь подняла.

И малиново пропела
над добром и злом.
И на голову надела
золотой шлем!

Незабудки

Есть любовь и есть разлуки,
ничего не говори,
подари мне незабудки
и улыбку подари.

Будут легкими дороги,
будут мчаться поезда,
на медовые зароды
упадет моя звезда.

В речке, ивами обвитой,
вспыхнут лунные огни.
Ты рукой с горы Магнитной
на прощанье мне махни.

У железных перекадин
под мостом черна вода...
Мы, бываешь, едем на день,
пропадаем навсегда.

Нас уведят первопутки,
в неизвестность торопа.
Подари мне незабудки,
не забуду я тебя.

Будет сон последний чутко,
будут памятные цветы.
Но не будет незабудок,
незабудка — это ты.